

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

ISSN 0131-6044
9 770131 604002 >

РОМАН №22 ГАЗЕТА

Рахимжан Отарбаев / Амазонки нашего аула

90
лет

ОТАРБАЕВ Рахимжан

родился в 1956 году в Курмангазинском районе Атырауской области Казахстана. Окончил Уральский пединститут имени Пушкина.

Творческую работу начал в редакции газеты «Казак эдебиети», заведовал отделом в журнале «Жалын», был атташе в посольстве Республики Казахстан, председателем Мангистауской телерадиокомпании, директором драмтеатра, заведовал сектором администрации Президента Республики Казахстан.

В 2009 году назначен Генеральным директором Национальной академической библиотеки.

Р. Отарбаев — известный писатель и драматург, член правления Союза писателей РК и казахского Пен-клуба. Лауреат Премии им. Махамбета, Международной премии им. Чингиза Айтматова. Академик, Заслуженный деятель культуры Республики Казахстан. Его произведения переведены на русский, киргизский, турецкий, арабский, английский языки.

Живет в Астане.

Из очерка Георгия Пряхина «И смех, и слёзы, и любовь»

С Рахимжаном Отарбаевым я долгое время был знаком только по телефону. Время от времени он звонил мне из Астаны, и я слышал негромкий, с хрипотцой, голос человека, старающегося безукоризненно подбирать и произносить русские слова и потому выдающего их как начальные, вразрядку, капли степного летнего дождя. И про себя думал: ну, вот уже и казахи *стараются* — былая всеобщая русская скороговорка постепенно сходит с былых имперских территорий.

А что остаётся? В данном случае, уверяю вас, потерь нет. Ведь есть вещи и поважней артикуляции. Русская культура, наша общая, под одним не очень ласковым небом сконденсированная живительная влага проникла, пропиталась, в данном случае до самых корней, соединившись с другой древней, феерической духовной субстанцией — Отарбаев пишет на подчёркнуто казахском, но смех сквозь слёзы в нём так узнаваем.

...На примере Рахимжана Отарбаева можно судить, что нарождается сегодня в серьёзной казахской литературе — не пустоцветы.

Чем отличается мудрый человек от умных? Много дефиниций есть на этот счет. У каждого своя — и у меня тоже. Я считаю, что умные часто посмеиваются над *другими*, а мудрый — над собой. Даже в тех отарбаевских рассказах, где автор, рассказчик формально не присутствует, его улыбка, в меру озорная и в ещё большей мере печальная, всё равно витает над этой незримой, отсутствующей фигурой. У каждого из нас свой нимб, а у кого какой — это уж кому как повезёт, кто у какой раздачи достоялся.

Мне этот автор интересен ещё и тем, что в чём-то повторяет и мою собственную молодость: до недавнего времени трудился в серьёзных властных структурах Казахстана. В какой-то степени это в традициях и русской, и казахской литературы: и Фёдор Достоевский, и его

юный друг, казах Чокан Валиханов, ходили в шинелях, правда, разной выделки. Шинелью, только более нежной фактуры, был и дипломатический фрак отарбаевского коллеги Фёдора Тютчева. На одни должности нас назначают живые люди, на другие — Судьба. И мне кажется, что в случае с писателем Рахимжаном Отарбаевым она, Судьба, не ошиблась.

...С помощью этого человека, даже посредством этого человека — не только через его творчество — узнаю тот Казахстан, который либо был для меня когда-то сокрыт, либо народился в новейшие уже времена.

...Отарбаев же и открывает нам мифологический и даже мистический Казахстан.

Его рассказы и повести действительно пронизаны, как неким дальним, мерцающим отсветом, преданиями и верованиями своего народа.

В большинстве своём современные и даже остросовременные по сюжету, они приобретают феноменальную особенность. Их корешки сокрыты. Они не висят в воздухе. Они — не гидропонного происхождения. Уходят куда-то вглубь, и это придаёт лучшим вещам Отарбаева стереоскопичность, дополнительный объём и ту многозначность, без которой не бывает подлинного искусства. Они не просто неоднородны — они и сами мерцают, как будто бы со дна.

...Его герои смеются и плачут. А как замечательно причитают эти его зачастую совсем не литературные герои! Да, плачут, правда, тоже чаще, чем смеются.

А смех сквозь слёзы, до слёз на ресницах, как и любовь до слёз это и есть литература. Особенно сегодняшняя. Особенно настоящая.

АКТРИСА

Весь переполох происходил из-за гоголевской «Женитьбы».

Ведь недаром пьеса написана не просто чернилами, а густо замешанными на грешных помыслах и тоске холостяков... Казахский драмтеатр буквально бился в агонии, чтобы как-то благоустроить бедолаг, не устроенных когда-то самим Николаем Васильевичем. Правда, всей этой суете была и веская причина. Потому как из Министерства культуры поступило недвусмысленное указание поставить пьесу классика, а актрису, исполнившую роль Агафьи Тихоновны, незамедлительно представить к ордену Почета. И деваться, как говорится, было некуда!

Услышав эту новость, директор театра был настолько ошеломлен, что раза три порывался встать со своего кресла, но так и не смог. Он только сидел и рассеянно поглаживал свою белую, будто посеребрённую голову, без единой выбивающейся пряди.

Да и главный режиссер — эта докучливая каланча с птичьим носом, вдобавок ко всему, горлопанит под самое ухо: «Гени-аль-но!..»

— О, блаженный, чему ты радуешься? Это же тяжелый спектакль, который здесь и в помине не ставился. Где взять костюмы? А декорации подходящие откуда взять?..

— Ничего-ничего, подберёте! Это вам не бублики печь — задание министерства! Орденом собираются наградить! — возбуждался главный режиссер, расстегивая пуговицы ярко-красного пиджака и, по обыкновению, становясь в ту высокую позу, с которой его непросто было опустить на землю.

— Ай, да ну тебя! — отмахивался в сердцах директор театра, машинально хватая, а затем кладя на место телефонную трубку.

— А есть ли у нас на эти роли подходящие люди?

— Да Агафьи Тихоновны, Подколесины, Яичницы в очередь становятся...

Директор театра выложил еще один, беспокоивший его, аргумент.

— Агафья Тихоновна в главной роли одна. То есть я хотел сказать, что её должна исполнять только одна актриса. Орден, как известно, тоже в одном экземпляре. Вот в чем и вся заковырка! Теперь женщины, и без того прожужжавшие мне все уши, что нет ролей, просто съедят друг друга. Почему же тебя не волнует эта сторона вопроса? Да и в каком возрасте эта самая Агафья, выбирающая себе жениха?

— Где-то под тридцать...

— У-ух! — простонал директор то ли в тоске, то ли в смятии, словно бы на нем одном держался груз всех печалей и капризов великовозрастных дев театра. — Допустим, главная роль достанется одной из молоденьких актрис. И вот она нацепит на грудь орден и будет щеголять. А как, думаешь, на это посмотрят её старшие подруги, которые отдали жизнь этой сцене? Признают ли, простят ли они её?

— Честь нам одна и орден один! — пытался уронить его главный режиссер, ткнув птичьим носом в потолок и приосанившись.

— Да они мужиком еще могут поделиться, но орденом — ни за что! Терпение у труппы на пределе, весь театр поделится на враждующие группировки... Скажи уж лучше — попали мы под огонь, да перекрестный к тому же!

— Пусть делают, что хотят.

— Слушай, а что, если мы эту роль отдадим достаточно опытной и привлекательной Кызтуган?

Главный режиссер, опустив горделивый нос, с нескрываемым удивлением уставился в лицо директора.

— Тетушка-то наша шестой десяток разменяла. Красота, будем говорить, не первой свежести, да и фигурка оставляет желать... Конечно, я понимаю, к чему вы клоните. Однако, уву...

— Ну, грим наложите потолще! Кто там разберется?!

— Простите, но она опоздала. Галя, Таня, Даша и Маша — вот кто-то из них и будет играть заглавную роль. Которая попрытче, та пусть и берет. Так сказать, попытает счастье.

— И в кассе ни гроша! Когда утверждался бюджет, об этом спектакле и речи ведь не было.

— В таком случае давайте я поставлю Кызтуган на роль Феклы Ивановны.

— Ладно. Смотри сам.

Директор был прав, к тому времени актрисы, уже каким-то образом прослышавшие о судьбоносной новости, враз занебудили Агафьей Тихоновной...

Но на поверку вышло, что Галя и имя самого Гоголя знала понаслышке. Таня не подозревала о существовании подобной пьесы. Даша в поисках сочинений великого писателя побежала в библиотеку. Маша чуть ли не взорвалась от восторга, узнав, что Агафья её ровесница и тоже подыскивает себе мужа. Великовозрастная Кызтуган, обделенная главной ролью, тут же слегла в больницу с высоким давлением...

И в самом деле, актрисы, пробовавшиеся на роль зрелой купеческой дочки, были под стать друг другу и ростом, и умом, и даже социальным положением. Симпатичные, озорные и ничем по жизни пока не обремененные. И все четверо просто уверены, что жениха-то найти можно, но как найти достойного их талантов... Изю дня в день девушки видели сны, которые были до удивления схожи: во всей своей ослепительной красе они всё скачут и скачут куда-то на белом коне в объятиях молодого господина...

Стоило начать распределение ролей, как коллектив театра тут же распался на три основные группы. Тайными ходами, озираясь по сторонам, они бочком проскальзывали в двери конспиративных гримерок, чтобы устроить собственное собрание.

Группу, поддерживавшую позицию директора, возглавила сама Кызтуган. Невозможно спокойно

лежать и болеть, когда в театре зашкаливает накал страстей! Покаявшись всем чем только можно, она насилиу вырвалась от врачей.

— Утвердили меня на роль этой сплетницы Феклы Ивановны, подбирающей на улице женихов для Агафьи. Большого позора, кажется, и нельзя придумать! Вы только представьте, какое это унижение для такой звезды, будем называть вещи своими именами, как я! Которая создала прекрасные сценические образы Царицы Томирис, Баян-сулу, Айгерим, Актоткы! — досадовала Кызтуган, едва сдерживая подступающий к горлу ком. Несмотря на паутину мелких морщин, ее лицо еще сохраняло следы былой красоты. В конце концов не выдержав и покраснев до самых мочек ушей, она зарыдала, содрогаясь всем телом.

— Выпей, пожалуйста, воды и успокойся! — сказал актер с округлой плечиной на самой макушке размером в детскую ладонь. — Ты полностью права. Никакого уважения к старшему поколению. Честный труд вообще обесценен. Теперь из-за того, что какая-то козявка, только вчера переступившая порог театра, получит орден, мы все должны сбиться с ног?! Нет-нет! Этому не бывать!

— Умничка ты наш! Да, но весь этот сыр-бор исходит от нашего ловеласа главного режиссера, — снова заговорила Кызтуган, которую не так-то просто было успокоить. — Спесь его одолела окончательно. Ведь до чего дошло: все эти четыре молодые вертихвостки, утвержденные на одну роль Агафьи Тихоновны, превратились в его партнерш по любовным интригам! И поочередно обитают в его холостяцкой квартире...

В конечном итоге после подобных страстных обсуждений собравшиеся единогласно решили подготовить заявление по поводу четырех артисток и главного режиссера в Администрацию Президента и в структуру Комитета национальной безопасности.

В то же самое время в гримерной, расположенной в другом крыле театра, проходило другое собрание.

— Наш главный режиссер истинно творческая личность, — начинала с пылу с жару заведующая костюмерным цехом театра нестарая еще женщина по имени Алеся. — Между прочим, я свою трудовую биографию начинала актрисой театра и потому тоже кое-что смыслю, а раз так, то и говорю.

Взяв слово первой, она лишней раз пыталась утвердить свое положение в труппе. Впрочем, о том, что с таким малым ростом и крупной головой её брали только на роли комедийного плана, она, конечно, умолчала.

— Благодаря высокому чувству ответственности, — продолжала костюмерша, — он не стал выделять кого-то из вас, а всех четверых поставил на главную роль. И чья-то яркая звездочка вот-вот должна зачехлиться на небосводе театрального искусства. А все

остальные и не вздумайте ей завидовать! Лучше пожелайте ей удачи!

— Вашими бы устами да мёд пить, тетя Алеся, — радостно зашумели Галя, Таня, Даша и Маша, покачиваясь словно гибкие ивы у пруда, потому как в гримерке не хватало стульев. — А как же тогда быть с Кызтуган? Она же Фёклу ненавидит пуще пареной репы и ни за какие коврижки не собирается уступить Агафью...

— Она же протеже самого директора театра. С его подачи повадилась на главные роли.

— Так и заявила, что орден будет ее!

— Уже проткнула дырку для ордена в своем белом бальном платье.

— О чём это говорит?! — категорично спросил актер с растопорченными и лезущими в рот усами. — Надо срочно крапать жалобу! Подписываться не обязательно. Так сказать, от коллектива!

— В таком случае, не откладывая в долгий ящик, давайте будем искать елейного борзописца, — заметила проворная Алеся.

А в другом закутке театра, в небольшой, но уютной гримерной внимание присутствующих привлекал к себе Народный артист Арон Арысович.

— Безусловно, — говорил он с пафосом, — спектакль неминуемо ждет провал! Какая требуется сила, чтобы вытянуть мировую классику! Сколько пота надо пролить! А что мы наблюдаем? Мелкую возню! Директор театра и главный режиссер занимаются перетягиванием одеяла. Посмотришь на одного — горе, а не руководитель, другой — бездарный хвостун. Мало того, как племенной жеребец собирает вокруг себя табун кобылиц. И все кругом грызутся: давно бы перестреляли друг друга, да вот нечем.

— Искупитель ты наш, а что же мы теперь делать будем? — послышался из угла блеющий голосок.

— Будем ждать. Вот когда им вместо ордена прицепят на лацкан верблюжью колючку, вот тогда мы их обоих за шиворот и — вон из театра! Я сам лично зайду к министру культуры и раскрою ему глаза на весь этот бардак. Его юная любовница, что скрывать, родом из нашего аула. Так что министр нам, можно сказать, родным зятем приходится! — От последней фразы сморщенное, словно сжатый кулак, личико Арона Арысовича даже просветлело как раскрывшийся бутон.

Между тем послушаться приказа министерства никто не решился. Актеры, получившие роль, спешно выучили слова. Костюмы были сшиты. Декорации расставлены. И как бы высоко ни любила взлетать Кызтуган, она помнила, что падать всё равно придется на эту выдавшую виды сцену, а потому поневоле приступила к работе над ролью злополучной Фёклы Ивановны.

Таким образом, каждый входил в предписанный ему образ: Народный артист Арон Арысович стал Подколесиним, актер с округлой плешинной на самой макушке размером в детскую ладонь — Яични-

цей, а с растопорченными и лезущими в рот усами — Жевакиным. Игравший былинных богатырей далекой старины, смуглый и плотный здоровяк преобразился в Анучкина и ходил понурый будто треклятый бобыль. Остальные были рады разобрать и эпизодные роли.

Когда же тексты были вызубрены и наступил момент сценического воплощения, куда-то улетучилась и твердость главного режиссера. Сложив втрое свое длинное сухопарое тело, он сидел в полумраке зрительного зала, по обыкновению задирая нос к потолку, но не сводя глаз с происходящего на подмостках действия. Но разве артисты — эти кудесники сцены — дадут посидеть спокойно?!

В первом же действии Кызтуган в роли сводницы Фёклы, вместо того, чтобы проворно шмыгать по загоулкам и обивать пороги домов в поисках жениха для купеческой дочки, манерничает и скучает, выказывая свое пренебрежение и превосходство. Попробуй-ка удержать себя в рамках! А приглашенный на смотрины невесты кичливый и флегматичный Подколесин в исполнении Арона Арысовича семенил походкой мелкого лавочника и заискивающее расшаркивается. Это же форменное издевательство над образом!

— Одни болваны! Кровь мою сосете по капельке! Чтобы после спектакля на глаза мне больше не попадались! — кричал, срываясь на фальцет, обычно ворковавший главный, и акустика просторного зала вторила его воплям. — Дух Гоголя пусть вас покарает!..

И при каждом громком крике главрежа открывалась дверь кабинета директора театра и показывалась белая, будто посеребрённая голова, без единой выбивающейся пряди.

Впрочем, все причуды, как из рога изобилия, посыпались в конце первого акта. В дом Агафьи Тихоновны, опережая всех, едва отдышавшись от быстрой ходьбы, явился Яичница. Явился и чуть ли не с порога, пытаясь сделать предложение богатой невесте, затараторил:

— Неприятнее всего, когда в такую погоду сидишь один. Женатому человеку совсем другое дело — не скучно...

Продекламировав эти слова, актер с округлой плешинной на самой макушке размером в детскую ладонь галантно предстал перед глазами Гали, играющей Агафью. И тут Галя, легко исполнявшая роль зашедшей девы, вдруг вспомнила, что именно этот эпизод произошел в её собственной жизни.

...Конечно, что там говорить, это был довольно красивый брюнет. Изъян его состоял лишь в том, что имел он одну мимолетную приметку — округлую плешину на самой макушке размером в детскую ладонь. Познакомились они на одной из вечеринок в год окончания учебы. Он ей крепко запал в душу. Бывает ли порой выбор у влюбленного человека? Стоило ему сказать: «День такой солнечный. Пойдем, погу-

ляем!» — она и пошла за ним... «Хорошо-то как, дождь моросит. Побродим по городу, зайдем в кафе...» — и она побежала без оглядки... Спихватилась, когда оказалась на третьем месяце. Но не впрок — жених оказался женатым. Ускользнул, аки пятки смазал ртутью... И вы посмотрите на этого пройдоху: плюнул в душу, вынудил сделать аборт, загубив невинное дитя, а теперь явился не запыхавшись... Прямо кроткая овечка!

— Тогда и получай! Вот тебе: за мою девичью честь, за мой неслыханный позор, подлый аферист! — закричала дурным голосом Агафья-Галя и, трясаясь в бешенстве, дала увесистую и звонкую затрещину Яичнице.

От неожиданности актер резко отпрянул назад и, перевалившись через стоявший позади стул, грохнулся на подмостки.

— Агафья, сука ты эдакая! Почему выскочила за роль? — вопил в очередной раз главный режиссер, нервно теребя свои волосы. — Встань на свое место! Начинай, заново! Куда запропастился этот идиот ассистент? Давай, скорей ставь его на ноги, к чертовой матери!

— Я больше играть не буду... Да сдалась она мне, эта Агафья! — запричитала Галя и, сбросив со своих плеч шелковую накидку, заплакала. — Мочи моей нет! Отдай эту роль Тане!

Таня ждать себя не заставила. Бойко выскочила на сцену, подхватила скинутую на пол накидку и сразу же вошла в образ. Актриса настолько хорошо чувствовала роль, что, выразительно бросив реплику в адрес Яичницы, легко и непринужденно, словно дунновение ветерка, провела мягкой ладонью по его покрасневшему от пощечины лицу.

— Гениально! — воскликнул главный режиссер, поднимая в полутемном зале большой палец вверх.

Удачно начавшуюся игру испортил Жевакин. Балтазар Балтазарович взял, как говорится, с места в карьер и пламенно продекламировал:

— Вот в Сицилии!... Хотели ли бы вы, сударыня, иметь мужем человека, знакомого с морскими бурями?

От такой дерзости Таня вздрогнула. И услышав до боли знакомые слова, бросила испуганный взгляд на актера с растопорщенными и лезущими в рот усами, а затем воскликнув «Ах!..», точно ступив на горящие угли, отшатнулась назад.

Ах! Так это же он! Ишь, какие слова выучил!... Парень на вахтовую работу прибыл из Турции. И растопил её сердце как сливочное масло. Вдвоем они на славу провели время. Звал к себе на родину. Обещал следом жениться. Ее родители, живущие на селе, благословили их и строго-насторого напутствовали, а весь коллектив желал счастья... По прибытии купались в теплых водах Босфора и валялись на золотом песке. Беспечно бродили. Всё было похоже на красиво начавшуюся сказку... Но в один из вечеров её возлюбленный побегал за длинной юб-

кой красотки-турчанки и бесследно исчез. Одна в чужой стране, лишившись всего, беспомощная, она с трудом вернулась обратно. И теперь вот, возникнув из ниоткуда, снова зовет её в морскую стихию... Ну, не бессовестный ли нахал!

— Видеть тебя не хочу! Ты променял меня на шлюху! Убирайся прочь! Сгинь! — выпалила она и захныкав, опустила на корточках.

— Поголовно больные! По ним всем психиатр плачет! — бесновался главный режиссер, вырывая клоки волос с собственного темечка. — Ну, что ты мелешь, а? Это же — Жевакин! В любви он тебе признается впервые! И к твоим прежним кавалерам не имеет никакого отношения!

— Нет уж, хватит с меня! Сыта по горло! — сквозь слезы проронила Таня, чиркнув указательным пальцем по горлу и не объяснив, чем же, собственно, она так сыта, сбежала со сцены...

В тот злополучный день главный режиссер приложился к горькой.

Спустя дня три-четыре директор театра вынужден был пойти к нему на поклон. У изголовья кровати стояла наполовину пустая бутылка водки. Сам хозяин, как сраженный на поле брани боец, лежал ничком. Один глаз он открыл, но сказать что-то внятное был не в силах.

— Афишу спектакля уже развесили. Всех, кого надо, оповестили. Только четыре дня всего-навсего — и осталось. Ничего не готово... Ну, дорогой, подними голову, — умолял его присмиривший директор театра. — Грозится прийти и этот главный специалист министерства! Выручай уж как-нибудь! А я пойду сегодня проводить собрание. Посвищу нагайкой над их головами. Да и приглашу, наверное, того театрального критика. Пусть посмотрит. Аось, что по совету. А ты уж приди утром и, не мешкая, приступай к репетициям.

— Не могу я их видеть всех!

— Эх, артистов пасти — всё одно, что курей... Начнешь их собирать, а они все врассыпную норвят... Мне и до пенсии, наверное, не дадут дотянуть. Чихвостят, ироды, на чем свет стоит. И министерство, и Гоголь... Ох, боюсь, загонят меня в самый гроб, — запричитал директор театра.

— Ночью приснился мне Николай Васильевич, — немного оживился главный режиссер.

— Ой-ёй-ёй! Что такое ты говоришь?! А какую весть передавал?

— Человек... Умеет держать тайну... Постоял-постоял так в проеме, тяжело вздохнул и ушел...

— Незабвенный дух его тоже, должно быть, отягощен твоим состоянием. Да и артистами недоволен, видать.

В этот момент из входной двери наружу бесшумно выскочила притаившаяся в ванной комнате Даша. Вслед за ней в прихожей появилась Маша с пакетиком в руках, в котором лежала обычная бутылка и какая-то нехитрая закуска.

— Ба-а... Добродетельная фея, а ты что тут делаешь? А ну-ка, испарись, и чтобы я такого больше не видел! — беззлобно пожурил ее директор.

— Да, думала, может, чай поставить... Голова, наверное, болит у него. А я тут и лекарство принесла...

По приходу в свой кабинет директор театра собрал коллектив.

— Висим на волоске между быть или не быть, — нагоняя напряженность, объявил он. — У главного режиссера постельный режим, а вы творите кому что заблагорассудится. Из всех здесь присутствующих никто не годится на главную роль! Поголовно все скорбны головушками! Нервы уже никуда не годятся, чутье совсем потеряли... Черту между личной жизнью и сценой вообще перестали различать!

— Это же называется экспромтом!

Директор театра пробуравил взглядом заведующую костюмным цехом Алеся:

— Экспромт?! Тогда тащите на сцену всю бытовую грязь: как дома даете волю рукам и гоняете жен по углам или, как поскандалив с мужем, в отместку прогуливаетесь с другим... А сцена благородна! Побойтесь кощунствовать на ней! Сегодня я пригласил известного вам театрального критика, — продолжал он, показав на худощавого молодого человека со светло-рыжим хохолком на загривке. — Он неоднократно достаивал наши спектакли похвальными отзывами в средствах печати.

— «Женитьбу» я прочитал в студенческие годы. Сейчас, разумеется, немного подзабыл, — сказал молодой критик, тряхнув волосами. — Конечно, жениться необходимо. Но на ком? Вот проблема, которая мучает каждого нормального человека. Например, в Китае более пятидесяти миллионов молодых холостяков. И все они просто истомились в поисках своей второй половины...

— Ах-ах! — раздался кокетливый девичий голос. И следом:

— Ох! — другая не выдержала.

— Эка, жалость-то какая! — подытожила Алеся.

— Тихо-тихо! Давайте послушаем!

— В сущности, мне нравится «Ревизор» Гоголя, — продолжил свою прерванную речь приглашенный критик, опять тряхнув рыжим хохолком. — Должен отметить — перспективная вещица. Я сам руковожу городским кружком художественной самодеятельности. И сейчас мы как раз ставим «Ревизора». Я исполняю роль Хлестакова. А глава города играет городничего Сквозник-Дмухановского. За мои усердия он одним росчерком пера выделил мне трехкомнатную квартиру. Теперь, думаю, а не попросить ли у него «Лексус»?! Между прочим, они мою жену...

Он хотел было продолжить свое увлеченное выступление, но в тот момент громко хлопнула входная дверь, и внутрь решительно шагнула жена директора театра. В руках она держала конверт и лист белой бу-

маги. Цвет ее лица имел нездоровый зеленоватый оттенок. Смотреть на нее было жутковато.

— Сидеть всем на местах! — тоном, не терпящим возражений, отчеканила она, будто опасаясь, что кто-то вдруг испарится из кабинета. — Какая сволочь это намарала?

— Письмо, что ли?

— Подпись-то посмотрите!

— А что за письмо, можно поинтересоваться? — раздалась недоуменные голоса присутствующих.

— Сидите-сидите! — пророкотала женщина. — Сейчас я вас всех выведу на чистую воду! — И уткнувшись в лист бумаги, начала скороговоркой читать:

«Коллектив театра разлагается изнутри, процветает групповщина. Главная причина этого недуга в том, что директор театра отдает предпочтение одним и обделяет других. Наглядный тому пример — Кызтуган. Именно она исполняет все главные роли. В коллективе ей дали кличку «Кундекыз», то есть девушка на все случаи жизни. Побывав раз пять в замужестве, она и не собирается причалить... Её моральный облик просто не выдерживает никакой критики. На протяжении полутора десятков лет она крутит роман с директором театра. Как цепная дворняжка, никого к нему не подпускает. В частности, в кабинете директора стоит выдавший виды диван, на котором и распределяются все главные роли. Срединная часть дивана уже просела вовнутрь. И, кстати, образовавшееся углубление в точности совпадает с габаритами вышеназванной актрисы. Если кто-то сомневается, то создавайте специальную комиссию и проверяйте данный факт...».

Женщина с нездоровым цветом лица неожиданно резко прервала чтение и испытующим взглядом посмотрела на бледнеющую и краснеющую Кызтуган. Затем с видом человека, утерявшего какую-то ценную вещь, женщина обошла актрису сзади, окинула ее пышные формы, а потом скользнула глазами по стоящему у стены дивану со вмятиной посредине...

— И в самом-то деле.

— Вот незадача.

— А неплохо написано! — оживились артисты, перебивая друг друга, — ну, прямо как и есть. Тут уж позеленевшая женщина не стерпела. С криком «Ах! Потаскуха ты эдакая! Теперь мне всё ясно!» и откуда-то взявшейся кошачьей прытью она кинулась на Кызтуган, норовя расцарапать той физиономию. Кызтуган, спасаясь бегством, опрокинула стул, на котором сидела зазевавшаяся заведующая костюмерным цехом Алеся. Алеся грохнулась, не успев, к счастью, учинить еще какой-нибудь погром, но забилась, правда, в нервном припадке.

— О, так это новая трактовка! А кто же автор? Комедия, что ли? Какое свежее воплощение образов. Великолепно! Просто звездопад какой-то! — восклицал обескураженный тетралный критик и

хватался за ручку с бумагой. — Отличный материал для статьи в газету. Прослаблю на весь мир!

В тот же день директора театра увезли в больницу с инфарктом.

Наутро следующего дня в театре появился главный режиссер, работа над спектаклем возобновилась.

Роль Агафьи Тихоновны была перепоручена Даше. Молодая актриса с самого начала старательно и без помарок воплощала на сцене зрелую купчиху, но в конце концов наступила на те же треклятые грабли. Иначе это и не назовешь. Стоило Народному артисту Арону Арысовичу, будучи на сцене Подколесным, подобострастно и проникновенно произнести: «О, какие у вас прелестные ручки!... Да, позвольте, сударыня, я хочу, чтобы сей же час было венчание», как снова вышло неладно. И этого оказалось достаточно...

— Пойти под венец с мужчиной, который в отцы мне годится? Да вы в своем уме? Что за измывательство такое? Еще мой жених услышит, как я ему объясню?! Он и так обещал взять меня с ребенком! — возмутилась Даша и, наотрез отказавшись играть дальше, обиженная и оскорбленная, убежала с подмосток...

Спустя трое суток спектакль был все-таки поставлен.

Под толстым слоем грима помолодевшая Кызтуган блистала на сцене в роли Агафьи Тихоновны и, щеголяя нарядами, сводила с ума томными и игривыми взглядами женихов, прибывающих её сватать. Беспрестанно кокетничая и переигрывая, она завораживала и собравшуюся в зале публику...

Что же касается Гали, то она, под таким же слоем грима заметно состарившись и погрузнев в нарядах свахи, хлопотала на сцене Феклой Ивановной. Таня довольствовалась ролью Арины Пантелеймоновны. Даше выпала роль Дуняши.

Не обошлось, конечно, и без накладок. Первая случилась в эпизоде, когда Подколесин, оставивший шляпу в доме невесты, должен был бежать, выпрыгнув из второго этажа. Однако Арон Арысович по ошибке сиганул на противоположную сторону... Упал в оркестровую яму! Повредил тазобедренную кость. Впрочем, главный специалист Министерства культуры, сидевший в первом ряду, услышав пронзительный вой, напоминавший завывание голодного волка, подпрыгнул от радости со своего места и, громко хлопая в ладоши, закричал: «Браво!.. Вот это да! Вот что значит Народный артист!..»

Оставшаяся без роли Маша тоже выкинула коленце: обозлившись на весь белый свет, взяла и выскочила замуж за пожилого профессора, давно уже ее опекавшего.

Таким образом, пьеса была удачно сыграна. Коллектив театра всю ночь напролет праздновал премьеру, крепко обнимаясь и слезно и смачно лобызая друг друга...